

22. АГРОНОМ-ШАМАН

”Мне довелось прожить тяжелую жизнь. Но самой трудной ее частью была не война, не участие в жесточайшей Сталинградской битве, в Курском сражении (где я был ранен), в освобождении Белоруссии, а бесконечная борьба с бюрократизмом. 25 лет я добивался в научном институте реализации своей идеи по созданию технической базы промышленного семеноводства. И ничего не добился, натываясь на паутину. Бюрократам удалось по сфабрикованным данным остановить построенный в Гомеле экспериментальный завод, где моя технология должна была стать реальностью.

У меня как специалиста советская бюрократия, преследующая только личное благополучие, отняла возможность трудиться на благо своей страны. Фактически уничтожила смысл всей моей жизни. Ничего я не смог добиться и как коммунист. В партию я вступил в 1943 году, я думал в ее рядах стать сильнее. Бюрократия победила меня, коммуниста. Все это особенно горько осознавать, умирая.”

В 1985 году, продиктовав жене письмо в газету, Виктор Васильев умер. Я не видел его живым. О его жизни я написал документальную повесть ”Страшно!” Страшно, что никто не захотел получить и посеять полноценные семена, вырастить богатый урожай, накормить народ. Мафия, состоящая из идеологизированных ученых, министерских чиновников, партийных кураторов, расправилась с теми, кто готовил новые семена. Экспертов я искал среди биологов в Москве и в Киеве.

Нашелся и в Беларуси смелый человек, публично поддержавший уничтоженного гения. АНТОН АНТОНОВИЧ СКРЕПЧАК. В 1985-ом ему было 29, работал колхозным агрономом. Он и есть главный в моей хронике.

Стенограмма общего собрания коллектива экспериментальной базы ”Любанская”. Из выступления свинарки Зданевич М.И.:

”Я 34 года в свинарнике. Вот работаю хорошо, и все знают. Утонула свинья. Там такие ямы, что человек утонет. Приезжает директор Лапковский, говорит: знаешь, что, ты, курва, пьяница, иди отсюда. Вот он так мне ответил, а я никогда папиросу в зубах, ни чарку не держала... Это бригадир Януш пьет, крадет. Я пришла к нему, сказала. Так пьяный Януш пробил мне череп, пролежала месяц в больнице. Как же Янушу не биться, когда Лапковский никогда не приезжает на свинарник, чтобы трезвый был. Всегда выпивший... Нет, товарищи, гнать его надо. Чем быстрее, тем лучше будет.

Если он победит, то загубим все то, что у нас есть. Он меня вышвырнул из кабинета. А Янушу дал хорошую характеристику в райком. Чтобы не исключили из партии. Пьяница пьяницу держит. ” (Бурные аплодисменты.)

Стенограмму собрания привез мне инструктор Любанского райкома Антон Скрепчак. Уже три года агроном был на партийной работе. Коль взяли, знать, включили в резерв. Райком был мощной пружиной карьеры. Молодые агрономы и инженеры мечтали попасть в партийную обойму, чтобы стать дементями, камаями, соколовыми, малофеевыми... Инструкторы из кожи вон лезли, оправдывая доверие партии.

База ”Любанская” (совхоз) находилась в зоне инструктора Скрепчака. За семнадцать лет директор Лапковский развалил хозяйство, народ придумал ему новое название — ”Лебединская база”. Лебедой позарастали поля, луга, улицы деревень. Власть директора называли: ”Лапковское иго”. На собрании, подготовленном Скрепчаком, 320 человек проголосовали за отстранение Лапковского (против — 47).

Но райком постигла неудача. У директора были друзья, покровители, собутыльники повыше райкомовских — в обкоме, в ЦК КПБ, в союзных газетах ”Известия”, ”Сельская жизнь” (в лице белорусских собкоров). Они тормозили освобождение крестьян. Уводили в песок демократию и перестройку. Ранили амбиции первого секретаря, привыкшего к безраздельной власти в районе. Препятствовали росту инструктора Скрепчака, которому секретарь пообещал кресло директора базы.

Выход из кризиса предложил Скрепчак: от имени райкома попросить помощи у газеты. Это было унижительно. Партия не просила у прессы, а командовала ею. Никогда ранее среди ходоков в редакции не наблюдались партийные работники. Я горжусь, что первым зафиксировал такового в историческое воскресенье 31 января 1988 года. Просчитав последствия беспрецедентного шага, первый секретарь разрешил инструктору Скрепчаку пожаловаться в ”ЛГ”.

Районный кризис был предан всесоюзной огласке в маленькой заметке (фамилия моего героя ради его собственной безопасности не разглашалась). Состоялось второе собрание коллектива ”Лебединской базы”, на нем был и я. В свете гласности мафия Лапковского отступила. В кресло директора райкомовская мафия посадила ... колхозного инженера Ивана Йокшу. Привезла на собрание, предложила народу, расхвалила, умело направила голосование, посадила в то самое кресло, которое было обещано инструктору Скрепчаку.

(В 1999 году я узнал, что Йокша сохранил в хозяйстве крепостное право. Из письма в газету 70-летней пенсионерки Марии Власенко: "В прошлом году у нас вымокла бульба, не было и одного мешка. И мы после уборки совхозного поля пошли туда перекапывать. Людей было, как мурашек. Вот и приезжают председатель сельсовета Вережка и директор Йокша. Грузят наши мешки в свою "Ниву" и увозят. Из моей пенсии удержали штраф. А пенсии мне хватает только на хлеб, молоко и лекарства. Сейчас приходит конец мне...")

Антон Скрепчак оказался недостойн ответственного поста. Он не оправдал доверия партии, так как пошел просителем в газету. Показал слабость КПСС. Разгласил внутрипартийные конфликты, представив их обществу как войну бюрократических кланов. Ненадежным кадрам нет места в руководящей обойме.

Оправившись от обиды, Скрепчак сделал вторую попытку попасть в обойму. Высшая партийная школа была гарантией безостановочного продвижения вверх. В школу принимали по направлению парторганов. Райком направления не дал. Не дал и обком. Фамилия Скрепчака была подленько разглашена по инстанциям.

Партаппаратчики сторонились отщепенца, начали кусать, уничтожать. Нравы аппарата Скрепчак знал, свою обреченность понимал. Чтобы спастись, ему с семьей пришлось перебираться за 300 километров, в другую область. В колхозе "Свобода" Могилевской области председателем работал институтский друг, Скрепчак стал его заместителем.

Он позвонил в 1990 году. Настойчиво попросил приехать в колхоз. Они с другом внедряли интересную идею.

На первой же минуте встречи Скрепчак сообщил, что его цель — отпустить крестьян на свободу. "И себя освободить".

Он выражался лозунгами: "Вернуть названию колхоза подлинный смысл!", "Свобода" — для свободных!", "Не понукать крестьянина, а помогать агрономическими советами!"

Скрепчак слушал собеседника рассеянно, говорил самозабвенно. Как с трибуны или с кафедры. Выйдя на тему фермерства и поднявшись до сияющих перспектив, он проигнорировал мой вопрос: "А что вы, став фермером, будете выращивать?" Отмахнулся: "Там посмотрим!.."

Но уже видно, Антоша! Смотри, какая роскошная панорама затухания цивилизации открывается с могилевского холма: проросли двухметровой

лебедой кучи рыжего металла под странным топонимом "машинный парк"; задохнулся в чертополохе сад, где привлеченные студенты аукают сиротливое яблочко; на поковерканной пашне курганы черной позапрошлогодней соломы вперемешку с прошлогодней, тоже сгнившей; над дырявыми стенами опасно прогнулась крыша, под которую вползает понурое стадо, а рядом деревня без людей, собак и птиц... На виду могильника под названием "колхоз" я с ужасом прослушал проповедь Скрепчак о том, что без колхоза пока не обойтись.

За четыре дня, проведенных вместе, я страшно устал от его речей. Скоро он заложит новый дом на краю своего поля. Пока землю надо подготовить, а затем раздать. Пока он гоняет крестьян на работу из-под палки, ибо обленились, фермеров из них не получится.

Не пожив как хотел, завершил своей век раскулаченный дед Скрепчак. В колхозной нищете промучился отец Скрепчак. На ту же стезю идеи ради вступил внук Скрепчак. У 33-летнего мужчины, сильного, здорового, отца двоих детей, не вызывала протеста недожизнь.

Трагикомедия! Внуку рабство давалось легче, нежели отцу и деду. На него действовал шаманский наркотик, полученный в райкоме. Инструктор, выпавший из обоймы, инструктировал самое себя — и испарялся из почвы туда куда-то, где обитали духи.

Радуйся, материалист-белорус, что Скрепчак не получил над нами власть. Хоть один из духов не обнаружился в высоком кабинете, в котором придумывают шаманские лозунги и меры по их достижению. Помнишь, земляк-белорус, в середине семидесятых Брежнев прошамкал, что наше счастье в борьбе за качество продукции? Я решил своими глазами посмотреть, так ли это, и инкогнито устроился на завод контролером. Окунулся в надуманную, бесплодную возню.

Невозможно улучшить продукцию, если командно-бюрократическая система насквозь прогнила. Качественный винтик не спасет нелетную конструкцию самолета. Вот что вытекало из документальной повести "Я — контролер", которую редактор Макаёнок не только рискнул напечатать в журнале "Неман", но и отнес Машерову. Для главного инструктора республики повесть явилась откровением. Он сделал выписки, как директивы цитировал их на совещаниях по качеству.

Машеров НЕ ЗНАЛ реалий. Но знать хотел. Дал команду привлечь журналиста к сотрудничеству. Меня вызвал секретарь по идеологии Кузьмин, предложил должность инструктора ЦК. Использовать молодого партайгеноссе

планировалось так: буду наблюдать жизнь там, куда пошлет партия; могу сочинять и печатать; но главное — закрытая справка для ЦК об увиденном, услышанном, вынюханном.

Мне оказали высочайшую честь работать партийным филёром (наверняка таких было немало). Услышав отказ, идеолог удивился, возмутился, отправил подумать. Он давил несколько месяцев. Запретил Макаенку переводить меня из "Немана" в "Литгазету". Пришлось просить помощи у Чаковского. Москва по вертушке связалась с Минском. Ура, меня отпустили в чистую журналистику!..

В 1993 году в редакцию фермерской газеты "Новая земля" зашел Скрепчак, шумно поздравил меня с первым номером, вручил подарок — пакет калифорнийских червей. "Чудо-эликсир плодородия". Вноси в почву — червяки будут бесконечно размножаться, удобряя поле продуктами своей жизнедеятельности. Скрепчак их выращивал и продавал.

Год назад он разошелся с другом, оставил должность заместителя председателя колхоза, взял в аренду полтора гектара земли. Шаман стал агрономом. Я поздравил его.

Кроме червей, Скрепчак растил капусту, саженцы плодовых и ягодных культур. Саженцы продавал на рынках райцентров, капусту своим грузовичком возил в Смоленск. Поверх капусты укладывал лесоматериалы, в России они покупались. В грузовике спал, сторожил товар. "Тяжело, Антон?" — "Наслаждаюсь свободой!" — произнес он высокопарно, как не говорил ни один из двух тысяч белорусских фермеров, бьющихся в бюрократической паутине.

Прошло еще несколько лет. И вновь -- знакомый напор в моем телефоне.

"Где обитаете, Антон Антонович?" — "Я доктор наук. Преподаю в институте в Минске. Давайте встретимся. Есть идеи. Думаю, пригодятся людям."

В убогом институтском кабинете, именуемом "кафедрой", плотный мужчина в расцвете лет с пылу с жару начал декламировать мне пышную лекцию о "человеко-ориентированной информационной технологии реформирования аграрного производства". Я перебил. Хотелось поговорить с человеком, которого не видел шесть лет.

— Ну, как ваш новый дом, Антон? Обжили уже?

— Не построил. Живем в старом. Там семья. Я в Минске, у родственников. Домой езжу на выходные. На электричку — и в путь.

— А земля? Вы здесь, она — там. Как управляетесь?

— Землю сдал колхозу "Свобода". Из фермеров ушел.

— Значит, колхоз не распущен?

— Существует.

— И крестьян вы не освободили?

— Не освободили. А возможно ли это, если в колхозе материальная база добита, а вместо нее — декреты и указы?!

— Чем занимаетесь в институте?

— Читаю курс лекций "Основы психологии и педагогики".

— Это тема вашей докторской?

— Я защитил кандидатскую о реформировании села. Но мне говорили, что она тянет на докторскую. Я профессор общественной академии. Психология и сельское хозяйство сочетаются. Надо молодым готовить дорогу. И самому достойно подготовиться к последнему жизненному периоду. Буду преподавать. Для души. Для материальной поддержки возьму гектар земли. Чтобы накопить денег. Хочу под Минском построить дом. А как ученый буду двигать в деревню свою идею.

— В чем ее суть?

— Лучшие колхозники должны стать владельцами земли, худшие — их наемными работниками. Произойдет естественная фильтрация. Ленивым, разгильдяям, дебилам, не унижая их природных недостатков, нужно указать их место. В итоге колхоз распускается. Возникает объединение собственников. Внедряются новые формы организации и планирования производства...

Скрепчак продолжал старую лекцию. Я вдруг ощутил огромное личное счастье. Счастье оттого, что я не студент и могу послать очень далеко этого профессора, этого будущего шарецкого, митингующего вместе с детьми против объегорившего его лукашенко.

1999